

ЭМИЛЬ ЧЁРАН

НА ВЕРШИНАХ ОТЧАЯНИЯ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 1-94
ББК 87.3(4Рум)
Ч45

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена каким-либо
способом без согласования с издателями.*

*Перевод с румынского, предисловие, исследовательская часть
и комментарии к. филос. н. Р. С. Гранина*

Чёран, Э.

Ч45 На вершинах отчаяния. — М.: Тотенбург, 2025. — 176 с.

«На вершинах отчаяния» — это книга, которую Чёран, измученный навязчивыми идеями и бессонницей, пишет, чтобы не совершить самоубийство. Вместо реального происходит символическое самоубийство автора. Но Чёран не окончательно совершает писательскую деконструкцию — «самоубийство автора», поэтому в книге продолжается драма, разыгрывающаяся между страдающим «частным мыслителем», которым является страдалец Чёран (таков его литературный аватар), и его заклятым врагом — другим его литературным аватаром — отстраненным философом, абстрактным мудрецом. Поэтому стиль книги, поочередно лирический и ироничный, поэтический и парадоксальный, отвергает технику сухих философских рассуждений в пользу наводящих на размышления ярких образов и раскрывает интеллектуальную и духовную агонию мышления философа в игривой, захватывающей манере, предвосхищающей более позднее уникальное сочетание элегантного стиля и глубоко прочувствованной мысли Чёрана.

**УДК 1-94
ББК 87.3(4Рум)**

© Р. С. Гранин,
перевод с румынского,
предисловие, исследовательская часть,
комментарии

© Издательство «Тотенбург», 2025

Содержание

Предисловие. Автор-самоубийца как лирический герой.....	6
Список использованной литературы.....	14
Предисловие Эмиля Чёрана	16

НА ВЕРШИНАХ ОТЧАЯНИЯ

1. Быть лиричным.....	19
2. Как все разделены!	23
3. О невозможности больше жить	25
4. Страсть к абсурду	27
1 [Мера страдания]	28
2 [Вторжение разума].....	30
5. Я и мир	32
6. Чувство конца и агонии	34
7. Гротеск и отчаяние.....	36
8. Предчувствие безумия	38
9. О смерти	41
10. Меланхолия.....	49
11. Ничто не важно.....	55
12. Экстаз	57
13. Мир, в котором ничего не решено.....	59
14. Противоречия и несоответствия	61
15. О печали	63
[О сожалении]	65
16. Полная неудовлетворенность.....	66
17. Огненная баня.....	68
18. Распад	69
19. О реальности тела.....	71
20. Я не знаю.....	72
21. Одиночество индивидуальное и одиночество космическое.....	73
[Последнее слово].....	73

22. Апокалипсис	75
23. Монополия на страдания	77
[Смысл самоубийства]	78
24. Абсолютный лиризм	81
1 [О недостаточности концепции полярности]	82
2 [От систематической философии к поэтической]	83
25. Сущность благодати	84
[Тщеславие сострадания]	87
26. Вечность и мораль	88
27. Мгновение и вечность	91
28. История и вечность	93
29. Хватит быть человеком	95
30. Магия и судьба	97
1 [Немыслимая радость]	98
2 [Двусмысленность страдания]	100
3 [Все — тлен!]	101
31. Энтузиазм как форма любви	102
32. Свет и тьма	107
33. Отречение	109
1 [Почему бы мне не взорваться?]	111
2 [Благословения бессонницы]	111
3 [Пресуществление любви]	112
4 [Только первая любовь имеет значение]	113
5 [Человек, животное, страдающее бессонницей]	114
6 [Человек без смысла]	116
7 [Первый человек]	117
8 [Абсолют в моменте]	117
9 [Истина, — что за слово?!]	118
34. Красота пламени	120
1 [Благодать женщины]	120
2 [Нищета мудрости]	122
35. Возвращение к хаосу	124
36. Ирония и самоирония	125
37. О нищете	127
38. Побег с креста	129

39. Культ бесконечности	132
40. Преображение банальности.....	135
1 [Апокалиптический цветок тревоги]	136
2 [Бремя печали]	136
3 [Благодать болезни].....	137
4 [Деградация от работы].....	138
5 [Обескураживающая гармония пустоты]	140
6 [Внутренняя пустота].....	141
7 [Восприимчивость к боли].....	142
8 [Смысл предельного].....	143
41. Сатанинский принцип в страданиях.....	146
1 [Интерииоризация]	149
2 [Почему женщины не пишут?].....	151
3 [Цена мысли].....	151
4 [Идеи].....	151
5 [Косвенное животное]	152
6 [Невозможность истины]	152
7 [Субъективизм]	153
8 [Ното...]	153
9 [О любви вкратце]	153
10 [Что бы то ни было!]	154
11 [Источник зла].....	155
12 [Фокусы красоты]	157
13 [Непоследовательность человека].....	158
14 [Капитуляция]	161
15 [Перед лицом тишины]	163
16 [Полет]	164
17 [Пессимизм]	165
18 [Я и жизнь]	167
19 [Иррациональность жизни].....	168
20 [Молчание]	169
21 [Двойник и его искусство]	170
22 [Нелепость становления]	172

Предисловие

Автор-самоубийца как лирический герой

*На вершинах отчаяния единственное, что еще может бросить
демонический свет на хаос, — это страсть к абсурду.*

Эмиль Чёран «На вершинах отчаяния»

*Представление об авторе является частью любого опыта чтения.
Для переводчика, даже в большей степени, чем для обычного читателя,
автор или то художественное произведение, которое названо Автором,
является личной навязчивой идеей!*

«На вершинах отчаяния» — первая книга молодого румынского автора Эмиля Чёрана² (8 апреля 1911 — 20 июня 1995). Первое в «румынском семикнижии»³ мыслителя,

¹ Zarifopol-Johnston, I. Introduction: Imagining Cioran // Cioran E.M. On the Heights of Despair. — Chicago & London: The University of Chicago Press, 1996. — P. 7. — *Здесь и далее прим. пер.*

² О написании фамилии автора Cioran по-русски через безударную «ё» смотреть подробнее в: Гранин, Р. С. Эмиль Чёран. Приближение к ускользящему философу // Доклад на теоретическом семинаре сектора аналитической антропологии «Дискурсы постантропологии», ИФ РАН, 19.12.2023.

Гранин, Р. С. Эмиль Чёран. Приближение к ускользящему философу. — М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 126 с.

Гранин, Р. С. Эмиль Чёран. Приближение к ускользящему философу // Доклад на Днях франкофонии в Культурном институте при Консульстве Франции в Санкт-Петербурге, 28 марта 2025.

Чёран, Э. Преображение Румынии / Перевод с румынского и французского — Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2024. — 352 с.

Чёран, Э. Чёрный дневник (1957–1972) / Перевод с французского — Р. С. Гранин. Издание в четырех томах. Том I (1957–1964). — М.: Тотенбург, 2025. — 382 с.

³ «Румынским семикнижием» мы назвали первые семь философских трактатов, написанных Эмилем Чёраном на румынском языке, до того, как он перешел на французский язык:

(1) «На вершинах отчаяния» (*Pe culmile disperării, București, 1934*);

(2) «Книга иллюзий [приманок]» (*Cartea amăgirilor, București, 1936*);

(3) «Преображение Румынии» (*Schimbarea la față a României, București, 1936*);

(4) «Слезы и святые» (*Lacrimi și sfinți, București, 1937*);

(5) «Сумерки мыслей» (*Amurgul gândurilor, Sibiu, 1940*) — книга написана уже в Париже, как и две последние, оставшиеся в форме черновиков вплоть до их публикации в 1990-х гг.;

после которого он перейдет на французский язык, ворвавшись во франкофонный мир своей знаменитой книгой «О разложении основ» (фр. *Précis de décomposition*, 1949). Впервые в печати (после нескольких неудачных попыток) Чёран появляется в феврале 1931 года: в легионерском журнале «Движение» (рум. *Mișcarea*). В течение следующих двух лет Чёран публикует свои статьи в одних из лучших академических журналах, включая «Календарь» (рум. *Calendarul*), «Время» (рум. *Vremea*), — оба консервативные, но не националистические, а также в умеренном по тем временам журнале «Румынская литература» (рум. *Româniliterară*)⁴. Между этим, в 1932 году, он защищает с отличием дипломную работу об интуитивизме Анри Бергсона и получает степень лиценциата [бакалавра⁵] искусств. «На вершинах отчаяния» Чёран начал писать в 22 года, в апреле 1933 года, через год после окончания Бухарестского университета. Он знал, что она вызовет резонанс, поэтому заранее сам поинтересовался стоимостью публикации, если ни один издатель не согласится на это (что будет случаться не раз в его карьере). Также и его родители были готовы помочь сыну покрыть расходы на публикацию, хотя они и не представляли, что получат⁶. Той осенью он уехал почти на два года в Берлин, получив престижную стипендию Гумбольдта для

(6) «Из Франции» (*Despre Franta*, 1941);

(7) «Букварь страстей [Бревиарий побежденных]» (*Îndreptar pătimas*, 1944).

⁴ Эти и другие статьи 1930-х годов были изданы отдельным сборником «Откровения боли» в Румынии в 1991 году (Cioran, Emil. *Revelațiile durerii: eseuri*. — Cluj-Napoca: Echinox, 1991. — 205 p.).

⁵ В дореформенной Румынии, как и во французской системе образования, «бакалавриат» (фр. *baccalauréat*) означает аттестат о среднем образовании. Для понятия «бакалавр» в смысле Болонской системы используется слово «лиценциат» (фр. *licence*), соответствующее бакалавру в других странах.

⁶ Сохранился семейный анекдот о скандале, вызванном в его отдаленном родном регионе (коммуна Рэшинари в Трансильвании) его первой нигилистической книгой. Его отец, священник, и его мать, глава Христианской женской лиги, держались очень скромно и пережили бурю, прячась в доме с выключенным светом, неделями подряд ложась спать очень рано (Zarifopol-Johnston, I. *Introduction: Imagining Cioran // Cioran E.M. On the Heights of Despair*. — Chicago & London: The University of Chicago Press, 1996. — P. 10).

выпускников. В итоге «На вершинах отчаяния» была опубликована за счет Фонда литературы и искусства имени «Короля Кароля II». Фонда, названного, как и его учебное заведение, именем короля, которого анархист Чёран ненавидел. Весной 1934 года, во время его отсутствия в Румынии, книга получила премию Министерства народного образования в номинации «Лучшая первая книга» в категории «Литература и искусство». Таким образом, когда он вернулся в Бухарест в 1935 году, он вернулся новой литературной знаменитостью, а уезжал совершенно неизвестным, за исключением узкого круга друзей.

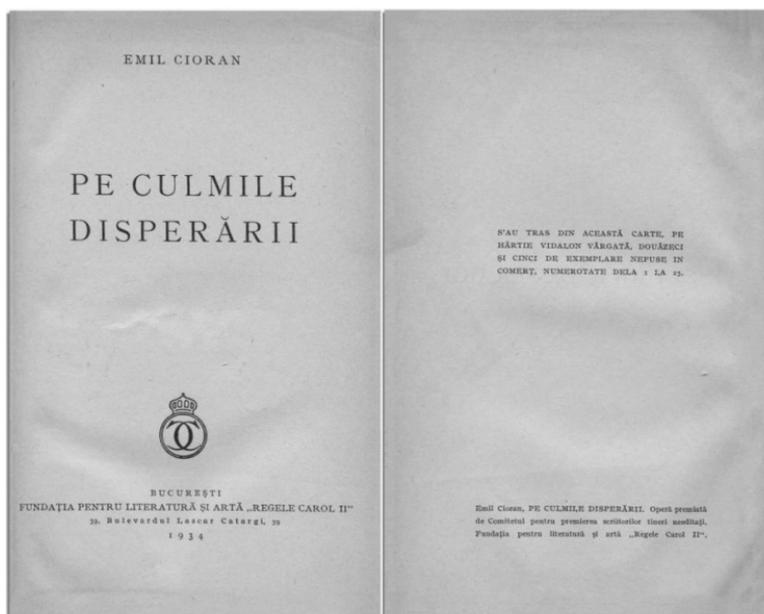
На книгу сразу же последовали восхищенные отзывы иностранной прессы.

«Ни один современный писатель не поворачивает нож с ловкостью Чёрана... Его творчество... наполнено горечью подлинного сострадания», — Билл Маркс, *BostonPhoenix*.

«Темное, экзистенциальное отчаяние коротких размышлений румынского философа Чёрана парадоксальным образом бодрит и жизнеутверждает... Ставит его в один ряд с Ницше и Кьеркегором», — *Publishers Weekly*.

«Это жалость к себе как эпиграмма, своего рода диспетическое высказывание, которое заставляет большинство людей выпрыгивать из постели, но которое поддерживало мистера Чёрана на плаву всю оставшуюся жизнь», — Джудит Шулевиц, *New York Times Book Review*.

1934 год, когда впервые была опубликована «На вершинах отчаяния», был одним из самых ярких событий 1930-х годов в Румынии. Элиаде, вернувшись из Индии, опубликовал ряд своих знаменитых исследований по азиатской науке и алхимии. Ионеско опубликовал свою единственную большую книгу на румынском языке, сборник деконструктивистских критических работ в томе под названием *Nu!* («Нет!»). Несмотря на то что Чёран был моложе Элиаде и Ионеско, он был не менее интригующ. Его личность вызывала интерес, побуждая к беллетристике.

Первое издание «На вершинах отчаяния».

Надпись на первом развороте титула: Бухарест. Фонд литературы и искусства имени «Короля Кароля II». Бульвар Ласкар Катаржи, 39. 1934.

На втором титуле: Двадцать пять неопубликованных экземпляров этой книги были напечатаны на линованной бумаге «Видалон», пронумерованных начиная с: J, A 25. Эмиль Чёран «На вершинах отчаяния». Работа отмечена Комитетом по присуждению премий молодым не публиковавшимся авторам, Фонд литературы и искусства «Короля Кароля II»

Так, в том же 1934 году в Бухаресте выходит роман молодого румыно-еврейского драматурга Михаила Себастьяна (рум. *Mihail Sebastian*, настоящие имя и фамилия — Иосиф Гехтер, рум. *Iosif Hechter*; 1907–1945) «За две тысячи лет. Тексты, факты, люди» (рум. *De două mii de ani. Texte, fapte, oameni*)⁷, который является своего рода литературным слепком духа того времени. В нем дей-

⁷ Sebastian, M. *De două mii de ani. Texte, fapte, oameni*. — București, 1934. Электронный ресурс: <https://lilil.ro/mihail-sebastian/de-doua-mii-de-ani> (дата обращения: 04.03.2024).

ствуется персонаж по имени Штефан Д. Пырлеа (*Ștefan D. Pârlea*, по-румынски фамилия означает «возгорание» или «пожар»), многими критиками предполагается, что под ним выведен Чёран. Этот Пырлеа написал эссе под названием «Призыв к скорейшему вторжению варваров». Однажды на претенциозном интеллигентном собрании друзей, где обсуждаются такие темы, как тревога, современные неврозы, Жид, военное поколение, Бердяев, присутствует протагонист пьесы — сам автор — Себастьян, который рассуждает о происходящем, что нельзя быть отчаявшимся и проводить конференции об отчаянии, быть страдающим и вести разговоры о страданиях: «Я хотел бы сказать ему, что если эти чувства истинны, то они представляют собой драму, а драмы проживают, их не обсуждают. В натуре Пырлеа есть какой-то риторический демон, который толкает его на то, чтобы заявить то, на что я совершенно не способен. ... Говорить о "тревоге" до двух часов ночи у Костаридесов, а потом лечь спать: вот истинная суть комедии. ... Штефан Пырлеа умеет лирически мыслить, умеет лавировать символами и мифами, но все же эта буря для него — политическая рефлексия. ... Трудно объяснить, что именно он имеет в виду под "нашествием варваров", которое он называет одним из своих желаний, или под "огненной бурей", которую, как он утверждает, каждый из нас носит в себе в латентном состоянии, не придав ему, как он того заслуживает, размеры поджигателя. Все это так неопределенно, так непоследовательно, так порой нелепо. И все же он следует за своей мыслью до самого поступка, до действия, до самого остроумного поступка»⁸. В романе упоминаются также и Нае Ионеску, Мирча Элиаде, Константин Нойка, Мирча Вулканеску. Подчеркиваются их симпатии к Железной Гвардии и фиксируются их антисемитские выска-

⁸ Zarifopol-Johnston, I. Searching for Cioran. P. 74.

звания, что не мешало автору испытывать по отношению к Нае Ионеску чувство безграничного восхищения. Он попросил профессора ознакомиться со своим романом и написать к нему предисловие⁹.

Эжен Ионеско — наравне с Элиаде и Чёраном — самый знаменитый румын Парижа — так набросал коллективный портрет интеллектуалов «Нового поколения», в состав которого и сам когда-то входил на правах «маррана» новейшей формации (его мать была еврейкой): «Мы были неудачниками, преступившими все пределы. Не могу упрекнуть себя, что был фашистом. Но в этом можно упрекнуть всех остальных. [...] Чоран здесь в изгнании. Признает ошибки молодости. Мне тяжело его простить. Приехал или на днях придет Мирча Элиаде. Для него все потеряно после победы коммунизма. Этот во многом виноват. Но и он, и Чоран, и глупец Нойка, и толстяк Вулканеску, и многие другие [...] являются жертвами омерзительного покойника Нае Ионеску. Если бы не было Нае Ионеску, [...] сегодня бы у нас было поколение выдающихся руководителей в возрасте от 35 до 40 лет. Из-за него все они стали фашистами. Он сотворил тупую, бешеную реакционную Румынию. Второй виновник — Элиаде. [...] Он повел за собой часть коллег, принадлежавших к нашему поколению, и всех более молодых интеллектуалов. Нае Ионеску и Мирча Элиаде пользовались непревзойденным авторитетом. [...] Я их все время ненавидел; я с ними боролся; они тоже меня ненавидели» (частное письмо от 19 сентября 1945 года)¹⁰.

Позже, в книге «Горькие силлогизмы» (фр. *Syllogismes de l'amertume*, 1952) Чёран вспоминает, как, будучи молодым и амбициозным студентом-философом, он хо-

⁹ Смотреть подробнее об их отношениях книгу Марты Петреу «Дьявол и его ученик: Нае Ионеску и Михаил Себастиан» (Petreu, M. *Diavolul si ucenicul sau, Naе Ionescu — Mihail Sebastian*. — Iași; București: Polirom, 2016. — 504 p.)

¹⁰ Электронный ресурс: <https://sergey-v-fomin.livejournal.com/144282.html> (дата обращения: 07.03.2024).

тел написать диссертацию на чрезвычайно оригинальную проблематику, выбрав, к ужасу своего профессора (хотя это напоминает импровизированную лекцию Нае Ионеску¹¹ о скуке), тему — «Общая теория слез». Возможно, «На вершинах отчаяния» была первой частью этой несостоявшейся диссертации. Второй частью, по всей видимости, явилась работа «Слёзы и святые» (рум. *Lacrimi și sfinți*, 1937).

В работе «На вершинах отчаяния» молодой автор Эмиль Чёран в провокационно-нигилистической форме осуществляет процесс конструирования новой авторской роли («литературного аватара»), которая в дальнейшем будет скрываться под именем «Чёран». Он пишет, что «на вершинах отчаяния единственное, что еще может бросить демонический свет на хаос, — это страсть к абсурду». Начиная с 1930-х годов, объявления о самоубийствах в румынских газетах неизменно открывались одной и той же формулой: «На вершине отчаяния покончил с собой молодой человек такой-то и такой-то». Пафосно звучащая фраза «на вершине отчаяния» была, таким образом, своего рода общим обоснованием всех самоубийств. Чёран явно рассчитывает на то, что читатели это осознают и оценят его ироничное (но серьезное) принятие роли предполагаемого самоубийцы — рассказчика-самоубийцы. Для Чёрана это вымышленное «я» — риторический, театральный жест, с помощью которого он надеется спасти свое настоящее «я». Но создавая новый «литературный аватар», ему волей-неволей приходится пройти через деконструкцию собственного физического «я». Чёран совершает метафорическое самоубийство и при этом умуд-

¹¹ Нае Ионеску (рум. *Nae Ionescu*, наст. имя — Николае К. Ионеску; 1890–1940) — румынский философ, логик, журналист, редактор, публицист, политик, педагог, профессор, доктор философии. Харизматичный наставник «Нового поколения» румынских интеллектуалов. Опекаемая им молодежь называла его Учителем с большой буквы, пронеся благодарность и признательность ему через всю жизнь. Многие современники называли его совестью поколения 1930-х годов. Ионеску руководил так и не завершенной докторской диссертацией Чёрана по Канту.

ряется пережить зов смерти, высвобождая через придуманного героя избыток лирической энергии, которую он чувствует в себе. «На вершинах отчаяния» — это романтическая кризисная поэма в прозе, главная тема которой — борьба «я» с самим собой, с Богом и Вселенной. Как часто впоследствии отмечал философ, если бы он не писал, он покончил бы с собой. Письмо было для него метафорическим отсроченным самоубийством. Главы книги передают мрачность и экзистенциальную тревогу автора: «Усталость и агония», «Отчаяние и гротеск», «О смерти», «Страсть к абсурду», «Апокалипсис», «Двойник и его искусство»¹².

Отметим специфику нашего перевода с румынского оригинала на русский язык. Весь румынский текст разбит на главы с названиями, а некоторые главы разделены на параграфы тремя звездочками без названий. Во французском и английском переводах, в которых непосредственно участвовал сам Чёран, некоторые из этих параграфов сделаны самостоятельными главами с названиями, а некоторые просто сокращены. По воспоминаниям его гражданской жены Симоны Буэ, все его переводчицы буквально плакали, что Чёран буквально резал свой текст и от первоначального румынского оригинала могло остаться две трети и меньше. Буэ, например, вспоминала такую картину: однажды утром Чёран вышел с ликующим видом из своей спальни со словами, что ему удалось «уничтожить» еще несколько тысяч слов. Мы в своем переводе оставили структуру чёрановского оригинального текста, с сохранением всех румынских глав, а для озаглавливания параграфов, помеченных у Чёрана звездочками, пользовались, если была такая возможность, их названиями во французском и английском переводах, если нет — озаглавливали их сами. Все такие заглавия параграфов даны в квадратных скобках.

¹² Гранин, Р. С. Эмиль Чёран. Приближение к ускользающему философу. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — С. 54.

Список использованной литературы

1. Гранин, Р. С. Эмиль Чёран. Приближение к ускользающему философу // Доклад на теоретическом семинаре сектора аналитической антропологии «Дискурсы постантропологии», ИФ РАН, 19.12.2023.

2. Гранин, Р. С. Эмиль Чёран. Приближение к ускользающему философу. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 126 с.

3. Гранин, Р. С. Эмиль Чёран. Приближение к ускользающему философу // Доклад на Днях франкофонии в Культурном институте при Консульстве Франции в Санкт-Петербурге, 28 марта 2025.

4. Чёран, Э. Преображение Румынии / Перевод с румынского и французского — Р. С. Гранин. — М.: Тотенбург, 2024. — 352 с.

5. Чёран, Э. Чёрный дневник (1957–1972) / Перевод с французского — Р. С. Гранин. Издание в четырех томах. Том I (1957–1964). — М.: Тотенбург, 2025. — 382 с.

6. Cioran, E. Pe culmile disperării. — București: Fundația pentru Literatură și Artă «Regele Carol II», 1934. — 166 p.

7. Cioran, E. Sur les cimes du désespoir / Traduction de André Vornic. — Paris: Éditions de L'Herne, 1990. — 200 p.

8. Cioran, E. M. On the Heights of Despair / translated and with an introduction by Iinca Zarifopol-Johnston. — Chicago & London: The University of Chicago Press, 1996. — 150 p.

9. Petreu, M. Diavolul si ucenicul sau, Nae Ionescu — Mihail Sebastian. — Iași; București: Polirom, 2016. — 504 p.

10. Zarifopol-Johnston, I. Introduction: Imagining Cioran // Cioran E.M. On the Heights of Despair. — Chicago & London: The University of Chicago Press, 1996. — P. 7–19.

11. Zarifopol-Johnston, I. Searching for Cioran / Ed. by K.R. Johnston; Foreword by M. Calinescu. — Bloomington: Indiana University Press, 2009. — 312 p.

12. Электронный ресурс:
<https://sergey-v-fomin.livejournal.com/144282.html>
(дата обращения: 07.03.2024).

Предисловие Эмиля Чёрана¹³

Я написал эту книгу в 1933 году в возрасте двадцати двух лет в любимом городе Сибиу в Трансильвании. Я закончил учебу и, чтобы обмануть родителей, а заодно и себя, делал вид, что работаю над диссертацией. Должен признаться, что философский жаргон льстил моему тщеславию и заставлял меня презирать всех, кто говорил нормальным языком. Все это закончилось внутренним потрясением, которое разрушило все мои планы.

Самое главное явление, катастрофа *par excellence*, — это непрерывное бдение, непрерывное небытие. Я часами бродил по ночам по пустым улицам, а иногда и по улицам, где обитали профессиональные одиночки, идеальные спутники в минуты наивысшей беды. Бессонница — это головокружительная ясность, которая превращает рай в место пыток. Все что угодно предпочтительнее этого постоянного бодрствования, этого преступного отсутствия забвения. Именно в эти адские ночи я понял всю тщетность философии. Часы бодрствования — это, по сути, бесконечное отторжение мысли мыслью, это сознание, взбешенное самим собой, объявление войны, адский ультиматум разума самому себе.

Ходьба не позволяет нам ворочаться и задавать вопросы, на которые нет ответов, в то время как в постели мы до головокружения решаем неразрешимые проблемы. Именно в таком состоянии духа я задумал эту книгу, которая стала для меня своего рода освобождением, спасительным взрывом. Если бы я ее не написал, я бы наверняка покончил со своими ночами.

¹³ Книга была написана в 1932 году, издана в 1934-м. Настоящее предисловие написано Чёраном к французскому переводу 1990 года (Cioran, Emil. Sur les cimes du désespoir. — Paris: Éditions de L'Hermès, 1990. — 228 p.).

**НА ВЕРШИНАХ
ОТЧАЯНИЯ**

1. Быть лиричным

Почему мы не можем оставаться запертыми внутри себя? Зачем мы гонимся за экспрессией и формой, стремясь очистить себя от всего содержания, организовать хаотичный и мятежный процесс? Не плодотворнее ли было бы отдаться внутренней текучести, не заботясь об объективации, и просто наслаждаться своей внутренней суматохой? В этом случае многочисленные и дифференцированные переживания сливались бы воедино, создавая всплеск самых плодотворных переживаний, подобный приливной волне или музыкальному пароксизму. Быть полным самим собой, не в смысле гордыни, а в смысле богатства, работать с внутренней бесконечностью и предельным напряжением — значит жить интенсивно, до ощущения, что умираешь, чтобы жить. Это чувство так редко и так странно, что мы должны проживать его с воплем. Я чувствую, что должен умереть, чтобы жить, и задаюсь вопросом, есть ли смысл искать этому объяснение. Когда прошлое души пульсирует в вас в бесконечном напряжении, когда полное присутствие актуализирует скрытые переживания, когда ритм теряет равновесие и равномерность, тогда смерть отрывает вас от вершин жизни, и вы не испытываете перед ней того ужаса, который сопровождает болезненная одержимость. Чувство, подобное тому, которое испытывают влюбленные, когда на пике счастья перед ними мимолетно, но остро возникает образ смерти, или когда в моменты неуверенности в зарождающейся любви возникает предчувствие конца или покинутости.

Слишком мало людей могут выдержать такие переживания до конца. Сдерживать взрывную энергию всегда опасно, потому что может наступить момент, когда у вас больше не будет сил ее контролировать. Тогда крах

наступит от переполнения. Существуют состояния и навязчивые идеи, с которыми невозможно жить. Не в том ли спасение, чтобы признать их? Удерживаемые в сознании, страшные переживания и жуткие навязчивые мысли о смерти ведут к гибели. Говоря о смерти, мы сохраняем что-то в себе, но при этом что-то в нашем существе гаснет. Лиризм представляет собой импульс рассеяния субъективности, поскольку он указывает в личности на непреодолимое волнение, которое постоянно стремится к самовыражению. Эта потребность в экстерииоризации тем более актуальна, что лиризм является внутренним, глубоким и сосредоточенным. Почему человек становится лиричным в страданиях и в любви? Потому что эти два состояния, хотя и различаются по своей природе и ориентации, в некотором роде возникают из глубин бытия, из сущностного центра субъективности. Мы становимся лирическими, когда жизнь внутри нас пульсирует в жизненно важном ритме. То, что в нас уникально и специфично, реализуется в такой выразительной форме, что индивидуальное поднимается до уровня всеобщего. Самые глубокие субъективные переживания также являются наиболее универсальными в том смысле, что они соединяются с изначальным фоном жизни. Истинная интернализация ведет к универсальности, недоступной тем, кто остается в несущественном и для кого лиризм остается низшим явлением, порожденным духовной непоследовательностью, в то время как лирические ресурсы субъективности свидетельствуют в действительности о поразительной внутренней свежести и глубине. Некоторые становятся лиричными только в решающие моменты своей жизни; для других это происходит только в момент агонии, когда все прошлое оживает и проносится над ними, как смерч. Но в большинстве случаев лирический взрыв возникает в результате важнейших переживаний, когда возбуждение интимной глубины существа достигает апо-

гея. Таким образом, попав в ловушку любви, склонный к объективности и безличности разум, отчужденный от себя и от глубинных реалий, испытывает чувство, мобилизующее все его личностные ресурсы. Тот факт, что все люди, за редким исключением, пишут стихи, когда влюблены, показывает, что для выражения бесконечности внутреннего «я» недостаточно концептуального мышления; только текучая, иррациональная материя способна предложить лиризму соответствующую объективацию. Не зная о том, что мы скрываем внутри себя, как и в случае с тем, что скрывает мир, нас внезапно захватывает переживание страдания и переносит в бесконечно сложную область головокружительной субъективности. Лиризм страдания достигает внутреннего очищения, при котором раны перестают быть просто внешними проявлениями, не имеющими глубоких последствий, а становятся частью самой сути бытия. Это песнь крови, плоти и нервов. Почти все болезни обладают лирическими достоинствами. Таким образом, лирическими добродетелями обладают те, кто пребывает в состоянии болезни. Только те, кто сохраняет возмутительную бесчувственность, остаются безличными перед лицом болезни, которая всегда является источником внутреннего углубления. По-настоящему лиричным человек становится только в результате глубокого органического расстройства. Случайный лиризм возникает из внешних детерминант и исчезает вместе с ними. Нет лиризма без нотки внутреннего безумия. Примечательно, что психозы в самом начале характеризуются лирической фазой, когда барьеры и препятствия рушатся, уступая место самому плодотворному внутреннему опьянению. Так объясняется поэтическая продуктивность зарождающихся психозов. Безумие — пароксизм лиризма? Чтобы не пересказывать, что такое безумие, ограничимся его восхвалением. Лирическое состояние — это состояние вне форм и сис-

тем. Внезапная текучесть переплавляет все элементы нашей внутренней жизни одним махом, создавая полный и интенсивный ритм, идеальную конвергенцию. По сравнению с рафинированной культурой склеротических форм и рамок, которые все маскируют, лирический режим совершенно варварский в своем выражении. Его ценность заключается именно в его дикости: это только кровь, искренность и огонь.

2. Как все разделены!

Я не понимаю, почему мы должны что-то делать в этом мире, зачем нам нужны друзья и стремления, надежды и мечты? Не лучше ли в тысячу раз отрешиться от мира, от всех его потрясений и сложностей? Мы бы отказались от культуры и амбиций, потеряли бы все, не получив ничего взамен. Но что можно приобрести в этом мире? Для некоторых никакие выгоды не имеют значения, потому что они безвозвратно несчастны и одиноки. Мы все так закрыты друг от друга! Даже если бы мы были открыты для того, чтобы принимать от других все что угодно или читать глубины их душ, в какой мере мы смогли бы осветить их судьбу? Оказавшись в одиночестве, мы задаемся вопросом, не является ли агония одиночества символом человеческого существования. Желание жить и умереть в обществе — это жалкая слабость. Возможное утешение в последний час? Гораздо лучше умереть одиноким и покинутым, без жеманства и притворства. Я не испытываю ничего, кроме отвращения, к тем, кто, мучаясь, контролирует себя и навязывает себе установки, призванные произвести впечатление. Слезы согреваются только в одиночестве. Все, кто хочет окружить себя друзьями в час смерти, делают это из страха и неспособности встретить свой высший момент. Они стремятся в самый ответственный момент забыть о своей смерти. Почему бы им не вооружиться героизмом, почему бы им не запереть двери и не пережить эти ужасные ощущения с беспредельной ясностью и ужасом?

Изолированность, разделенность — все это недоступно для нас. Самая глубокая смерть, настоящая смерть — это смерть от одиночества, когда сам свет ста-

новится принципом смерти. Такие моменты отделяют тебя от жизни, от любви, от улыбок, от друзей и даже от смерти. Это заставляет задуматься о том, есть ли что-то еще, кроме небытия мира и собственного небытия.

3. О невозможности больше жить

Бывают переживания, которые невозможно пережить, после которых кажется, что ни в чем не осталось смысла. Как только вы достигаете пределов жизни, испытывайте на себе все, что предлагается на этих опасных границах, повседневные жесты и обычные стремления теряют свое соблазнительное очарование. Если вы продолжаете жить, вы делаете это только благодаря своей способности к объективации, своей способности освобождать себя в письменной форме от бесконечного напряжения. Творчество — это временное спасение от когтей смерти.

Я чувствую, что должен взорваться от всего, что предлагает мне жизнь и перспектива смерти. Мне хочется умереть от одиночества, от любви, от отчаяния, от ненависти и от всего, что может мне предложить этот мир. Все, что со мной происходит, кажется, превращает меня в воздушный шар, готовый вот-вот лопнуть. В эти экстремальные моменты я переживаю обращение в небытие. Ты расширяешься внутри до безумия, выходишь за все границы, ты достигаешь края света, где ночь крадет свет, и из этого изобилия, как в жестоком вихре, тебя швыряет прямо в небытие. Жизнь создает цельность и пустоту, изобилие и депрессию; кто мы перед лицом головокружения, поглощающего нас до абсурда? Я чувствую, как внутри меня трещит жизнь под избытком интенсивности, но и дисбаланса, как неукротимый взрыв, способный непоправимо взорвать самого человека. В крайних точках жизни мы чувствуем, что жизнь ускользает от нас, что субъективность — всего лишь иллюзия, а внутри нас неконтролируемые силы бурлят, разрушая любой заданный ритм. На краю жизни все становится поводом для смерти. Мы умираем от всего, что есть, и от всего, чего нет. Каждый опыт становится прыжком

в небытие. Даже если вы не исчерпали все возможности этих переживаний, достаточно прожить основные из них на пределе своих возможностей. И когда вы чувствуете, что умираете от одиночества, отчаяния или любви, все, что у вас есть неизведанного, присоединяется к этой бесконечно печальной процессии.

Ощущение, что вы не можете выжить в таких вихрях, также возникает из-за достижения цели на чисто внутреннем плане. Пламя жизни горит в топке, из которой не может вырваться жар. Те, кто живет во внешнем плане, спасены с самого начала: но есть ли им что спасать, когда они не осознают никакой опасности? Пароксизм ощущений, приступ внутреннего переживания ведет нас в области, где опасность абсолютна, поскольку жизнь, которая сознательно актуализирует свои корни в опыте, может только свести на нет саму себя. Жизнь слишком ограничена и слишком фрагментарна, чтобы выдержать большое напряжение. Разве не все мистики после великих экстазов чувствуют, что больше не могут жить? Так чего же могут ожидать от этого мира те, кто чувствует, что находится за пределами нормальности, за пределами жизни, за пределами одиночества, за пределами отчаяния и смерти?